

В. Кузьмин

В глухом таёжном распадке на окраине села Култук, где летами вился среди зарослей курильского чая и папоротника студёный ручей, а зимой синели, зеленели и радужно переливались на солнце толстые наледы, пряталась под крутым хребтом моя осадистая старая изба. И однажды в туманные крещенские морозы, когда бесснежный Култук вздохнул после лютых байкальских ветров, сподобился я пожить рядом с ху-

дожником Владимиром Кузьминым. Гостил у меня и Сергей Казанцев, о ту пору ещё молоденький, маловедомый живописец.

Художники писали этюды, я топил русскую печь, гоношил некорыстную полёбку, и коль потрескивали палящие морозы, то Кузьмин с Казанцевым сломя голову бегали в избу греть подле жаркой печи окоченевшие руки и застывшие палитры с краской. И вдруг с небес милостью Божией, нежданная-негаданная, опустилась влажная, мягкая оттепель: даже капель невпопад заголосила веснянку, хотя и не играло солнышко, и день проснулся пепельно-сероватый, глухой, какие случаются накануне щедрых снегопадов...

Как радетельные покосчики не упускают погожие деньки и, до звона отбив литовки, от зари до зари валят траву, потом гребут валки, копнят и мечут зароды, ибо день год кормит, так и художники, радые оттепели, не выпускали кистей из рук. Владимир запечатлел невзрачные, косенькие соседские избушки на курьих лапах, ледяной ручей с вмёрзшими кустами красной смородины и тальника; живописал и Байкал — озеро ещё ворочалось с боку на бок, ворчал, словно медведь перед лёжкой, размётывая ледяную шугу. И когда я глянул на кузьминские этюды, диву дался: Господи ты мой милостивый, где живописец увидел в снежной серости, в убогих избушках, щербатых тынах и частоколах столь счастливо играющие и поющие краски?! Померещилось: посреди зимы чудом чудным запалилась июльская радуга, отпахнулась берёзовая грива и лесная поляна в буйном разнотравье-разноцветье.

Но раньше дивный пейзаж увидел я в кабинете Валентина Распутина рядом с книжными шкафами и письменным столом ...тихая радость, тихая грусть... при-

шуристо взгляделся и понял – кузьминский; а позже Валентин Григорьевич сказал о художнике: «Какой у нас в Иркутске есть замечательный художник – Владимир Кузьмин, искренний, добрый, постоянно приглашающий к добру, как к празднику. Вот за это ему поклон».

Потом увидел пейзаж и в Доме литераторов, а потом ... бурливо и плавно струилась река времени... мы сдружились, и я люблю живопись Владимира Кузьмина, люблю, кружа по старгороду, завернуть в его мастерскую, смирить запаленный, засушенный дух. Пью душистый чай среди ласковых картин в тёплой опрятной светёлке ... язык не поворачивается обозвать мастерской... и чудится: выбрел в ярко цветущий майский сад или вернулся блудным сыном в родимое село, и в отцовской избе поджидают меня принаряженные родичи. Горница: призрачно мерцающие в красном углу старые иконы, сестрица Алёнушка и братец Иванушка, вышитые гладью, линиялые карточки родичей, сложивших буйны головы в трёх войнах, ярко-лоскутные тропочки на половицах, расшитый обережными крестами рушник, а на выскобленной дожелта столешне пышет жаром хлебная коврига.

Владимиру Кузьмину грех жаловаться на художническую судьбу: не зарыл в землю дар, отсуленный Богом и завещанный крестьянской родовой; не промотал за погремушки суетного мира сего, не пропил, не заболтал в хмельной куражливой богеме; но азартным и озарённым трудом воплотил свой радостный живописный дар, продираясь к зрителям сквозь нужу и стужу, ворчание чиновников от искусства, усмешки мертвдушных формалистов. Ныне живописные произведения заслуженного художника России Владимира Кузьмина украшают и русские музеи, и частные собрания, галереи Европы и Америки, Японии и Монголии. А когда я доводил до ума этот очерк, за картину «Портрет поэта Александра Никифорова» художник получил губернскую премию имени Александра Вычугжанина.

* * *

В том, что живопись Владимира Кузьмина принял сибирский простолюдin, загадочного мало, — художник в избранных портретах и пейзажах ответил неисповедимой русской душе, выразил душу даровито, с щемящей любовью, с дивлением и состраданием. Словно разбуженный голосом из родового далёка, задумался у картин даже молодой зритель, утонувший в технократическом, демоническом модерне, запредельно далёкий деревенским избам, староиркутским дворам, кои то залиты белым полуденным зноем, то обмерли в сумеречной дрёме, то утопают в сиреневом цвете, потом в синеватых суметах.

Не обнесли художника чарой медовой браги на мирском пиру; ежели, увы, мало знали по матушке России, то в Иркутске и любили, и славил. Но это редкий случай, когда художник по своему живописному дару, по ласковой любви ко всему русскому заслужил и большего, — чтоб его живопись знали и любили от мала до велика, в любом краю, где ещё теплится народная душа. И не заради честолюбия художника, а потому, что кузьминская живопись, исполненная певуче-тихой, нежной или по юношески порывистой, то ликующей, то опечаленной любовью ко всему русскому, нужна русским, чтобы не помрачились разумом и сердцем, не вознесли хулу на Бога, не поносили с пеной у рта друг друга, а заодно и нашу измученную Родину.

Русское искусство, не подменяя Церкви Православной ...лишь там душа обретает покой и спасение для Вечной Жизни... если и владело некими правами на

душу человеческую, то лишь для того, чтобы среди греховных буреломов, зарослей дурнопахнущего чапыжника расчищать брату и сестре тропу ко Храму Господню. Даже букет полевых цветов, написанный художником с щедрой любовью, уже славит Бога, ибо природа — Творение Божие, а Любовь — Бог.

В картинах Владимира Кузьмина есть всё, что душе отрадно, но есть и произведения, которые можно повеличать народными; и мир художника — по-детски удивлённый, пёстро-радостный, игривый, но и природно, святоотечески мудрый — мир сей от деревни, от земли.

— Я ведь родом из крестьян, — говорил Владимир Кузьмин. — И не стесняюсь этого. Даже и горжусь. Вся мои предки до третьего колена вышли из приангарских деревень. Там, на Ангаре, и для скота были пастбища обильные, и пашни богатые, которые кормили хлебушком весь наш край. Конечно, до затопления земель. А затопление — это уж горе горькое.

Владимиру Кузьмину посчастливилось, он застал Ангару в её вековечной красе и величавой мощи. А потом, когда ради мощи технократической возвели могучую гидростанцию и затопили острова и берега, так стало горько художнику, так долго ныла душа и не смирялась с тем, что деревни, вместе с покосными угольями, обильными пойменными пашнями, сосновыми борами и берёзовыми гривам, вместе с могилами кузьминских предков, вместе с избами, где жили родичи, ушли навечно в полые воды.

— Читал повести Валентина Распутина ...тоже ангарский житель... и дивился: такое всё родное мне и близкое, — вспоминал художник. — И даже иные герои вместе с именами, вроде как из нашего рода. Вот, скажем, старуха Дарья из «Прощания с Матёрой», — ну, точь-в-точь моя бабушка Дарья. Надо же какое совпадение... Бабушка Дарья была верховодом в нашем роду. Она уж вошла в большие лета, к восьмидесяти близилось, но такая была старуха, живая, подвижная, работающая. И все её в деревне любили: и старые и малые... Прадед мой прожил сто тринадцать лет, а деду Грише — я застал его маленьким, — было около ста лет. Натуральный был крестьянин. Всю жизнь пропахал, а потому и прожил в добре и славе. Крестьяне в Сибири, по царским временам, если лодыря не гоняли, жили крепко — земля, тайга, река вдоволь кормили. Сами сеяли, жали, молотили, молотили на мельницах. Продавали хлебушек, ездили обозами в другие сёла, и даже в Иркутск. Были мои деревенские родичи *трудолюбивы*, труд любили, утешались в труде, и в труде же пороки укрощали, которые в праздности расцветают, как поганые грибы в гнили. Молитва и труд от всех бед спасут.

* * *

Когда Владимир помянул свою деревенскую родню, запечатлённую в картинах, мы вольно, ли невольно поразмыслили о русском крестьянстве, кое испокон веку изживали со свету, а ныне довели до края, и теперь лишь чудо спасёт.

Я прожил в глухоманном забайкальском селе лет двадцать, отчего повести мои, рассказы и очерки о русской деревне, о крестьянстве, о природе. Владимир Кузьмин, хоть и горожанин, иркутянин, но из характера, из живописи явственно видится и зело мудрый, и на потеху гораздый, природный мужичок. Вот, скажем, портрет Александра Никифорова, верхоленского поэта, так с виду, вроде, и не поэт, а деревенский баешник либо мужичок-лесовичок; да и не портрет вышел из-под кисти озорной, а пейзаж лица: среди лохматой рыжеватой бороды и нече-

санных лохм, словно из таёжной чащобы, таинственно, грустно и устало посвечивают глаза синими озерушками. И веет от холста радостно, игриво былой ... песенной, обрядовой, природной... русской деревней.

— Ангарская деревня жила степенно, — рассуждает Владимир. — Хватало времени и в церковь сходить, и на святки, на Масленицу потешить душеньку гульбой. Оттого, что у крестьян был строго заведенный ритм жизни, они и чувствовали себя уверенно, свободно, не суетились, в душе царил покой. Жили самостоятельно, как в поговорке: до Бога высоко, до царя далеко. Никто их не терзал. Повинности исполняли, подати платили, и жили сами по себе, в своей общине. А коль семьи были большие, работников уйма — вот и жили безбедно. В деревне раньше и роднились крепко, братались, крестами менялись. Колесил я по деревням, где после затопления наша родня расселилась, писал пейзажи, портреты, жанровые картины. Гостил в Ташлыково, в Кузнецово, и везде меня как родного принимали, хотя лишь маленьким и видели. А-а-а, говорят, сын Ляксадры. Ну, всё ясно, наш! Я и маленьким из Иркутска всякое лето ездил в деревню, к братану Петру. Отец посылал, может быть, чтоб отчий край не забыл и родню, и чтобы мало-мало подкормился, молочка попил. Туго жили в войну, да и после войны. Вкалывал там... Запрягает Петро лошадь и — на покос, а то и в лес, и меня прихватит подсобить...

* * *

Послевоенный Иркутск был тихим, уютным, живописным городом, лишь ныне утопает в надсадно кричащей рекламе, и похож на Лысую гору, куда слетаются ведьмы на шабаш, а уж по старым летам Знаменское предместье, где в деревянном доме поселились Кузьмины, жило и вовсе по-деревенски, окружённое ромашковыми полями, ягодными и грибными лесами. Владимир парнишкой, бывало, вылезет из окна, вот и в тайге очутился, можно ягоды-грибы собирать. Родичи Владимира разделали мало-мальский огородишко, растили картошку и прочую овощь. И коровёнку держали, и свиней, и коз, которых маленький Володя и пас. В холодные и голодные послевоенные годы огорожина да животины и спасала многодетную Кузьминскую семью.

Кузьминская родова до Владимира не явила художника ...мало-мало рисовал братан Виктор, погибший на фронте, брат Павел, сестра Дуся... но всякий род, веком наживая народную судьбу, скапливая творческий опыт, однажды рождает своего выразителя — художника, писателя, композитора, артиста, а в досельную пору, так и сказителя. Вот и крестьянская, ремесленно-посадская родова Кузьминых явила художника-живописца, запечатлевшего то, что вызрело или накопело в родовой, а значит, народной душе.

В начале пятидесятых Владимир Кузьмин поступил в Иркутское училище искусств.

— После войны молодые сильно тянулись к искусству. Мечтали: война кончилась, голодуху, разруху переживём, а дальше будет что-то светлое, радостное, и такая жизнь пойдёт замечательная... И чтобы мы какими-то охламонами в эту жизнь пришли — не может быть такого. И все старались учиться от мала до велика.

А учились на художников и пятнадцатилетние, такие как Владимир Кузьмин, и тридцатилетние, которые им, подранкам-отрокам, казались дедами. Столько деды уже пережили, что иному нынешнему на две жизни хватит, одна война что стоила.

Учились впроголодь. В училищном коридоре красовался бокастый бак с кипячёной водой, к баку на цепь приковали железную кружку. И после звонка на перемену ученики выходили, а в руках у кого ломоть ржаного хлеба, у кого сухарь, и по очереди из одной кружки запивали. Вот и весь обед. И дальше работали. И как работали!.. Из училища выходили такие художники, каких и по России-матушке мало, а уж в Европе днём с огнём поискать. Они уж когда поступали, их живописью преподаватели восхищались. Готовые художники, вроде, учить, только портить. Трудяги были редкие... Часами сидели в библиотеке, мастеров копировали, руку набивали. Кто ленивый, кто всего себя не хочет, не может отдать живописи, с эдаких толку мало. А Владимир и его друзья работали от зари до зари, да и ночи прихватывали.

Посчастливилось Владимиру Кузьмину с учителями... Часто и поклонно вспоминает художник Аркадия Вычугжанина... Ученики благоговели перед Аркадием Ивановичем, как перед могучим *русским* живописцем, а и человек был незаурядный...любомудр, можно сказать... и начитанный. Бывало, ученики спросят про нашуевшую книгу, а он сразу: дескать, читал, читал, и уж мнение своё имеет. И пел чудно. Любил кондовые сибирские песни, чтобы душа покаянно плакала и воскресно веселилась.

* * *

Много воды утекло в реке Ангаре с той поры, когда ученик Владимир Кузьмин принаравливал кисть к природной душе своей и радостному воображению, а теперь уж сам поучает училищных подмастерьев:

— Нужно слишком любить... я и профессией живопись назвать не могу. Это даже не профессия, это состояние души, это дар Божий. Слишком нужно любить живопись, чтобы на холсте твоём родилось что-то путное и доброе. И пахать, пахать, пахать...

Владимир Кузьмин ...в отличие от иных, кои после школьной лавки кроме газетёшек ничего не читывали... любит душевную и духовную музыку, читает, сопереживая героям, прозу и поэзию, близкую народным сказам и песням. Не случайно и дружен с даровитыми иркутскими писателями, портреты которых создал не столь из общения и наблюдения, сколь из писательских книг. Неслучайно, начитавшись Есенина ли, Рубцова, земляка ли сибирского Анатолия Горбунова, и сам стал тешиться стихами, ласковыми, немудрящими, искренними.

*Я жизнь свою суровую и нежную,
За счастье и печаль благодарю.
Люблю я родину, зелёную и снежную,
И в песни красках родине дарю.*

*Я напишу старинные дома,
Остановлю их медленное тление,
Чтоб дети помнили всегда,
Души народной вечные творения.*

* * *

Владимир Кузьмин и зимой и летом, и весной и осенью писал село Баушево, ставшее родным, окрестные речушки, озерушки и вольный Иркут; воспел врас-

тающие в землю давнишние избы и вольные ограды в чащах рябины и черёмухи. А вот затаённые и певучие староиркутские купеческие и мещанские дворы, и вдруг — облитые багровым заревом, красные быки в жердевом загоне, как мощь и красота живой природы. И в Баушево, и в Иркутске Владимир Кузьмин с поклоном сыновним пишет старинные усадьбы — в их усталых и мудрых, изморщиненных лицах начертана судьба народа в радости и скорби.

Среди картин и этюдов, заполонивших мастерскую, поразил меня унылый холст, для Владимира Кузьмина, в цвете буйного и яркого, несвычный: сероватый, до слез печальный и обреченный. На картине сей изображен этюд на мольберте — церковь в миражной дымке или январской изморози — и на фоне незавершенно-го этюда запечатлен художник: лицо пепельное, без кровиночки, измождённое, обмершее в скорбной и отрешённой беспросветной, безысходной думе, глаза — долу, руки бессильно опущены... Может, замерла на духовном распутье судьба художника, что вдруг мучительно задумался: не лукавым ли искусом явилось его искусство, не заслонило ли веру в Бога... церковь в дымке; и не увёл ли художник людей искусством... или уж искусом?.. от веры Божией, восславив слепое и многогрешное ликование суетного земного бытия, забыв о спасении души и Вечности для себя и тех, кого искусил своим искусством?.. Может, всё суета сует и томление духа?.. Увы, на исходе жизни эдак и видится земное творчество; но то на исходе, а на взлете жизни лишь сомнения туманом клубятся в душе.

— Нужно было выразить боль, — вспоминает Владимир, — чтобы хоть так найти покой, снять тяжесть с души и, может быть, уйти от этой трагической темы. Потому что я люблю писать иное — радостное, доброе, чтобы человеку было видно: добра в мире больше, чем зла и уродства. Чтобы человек отошёл от картины и стал хоть немного добрее и поверил, что добро одолеет зло. А начинать надо с себя. Сам в себе победи зло вначале... А это тяжко — силы зла не дремлют, они зловеще нашёптывают, они тебя терзают, толкают против ближних, а значит, против Бога. Но верой и добрым творчеством можно спастись.

У Владимира Кузьмина случались в жизни горести, и душой овладевала смута, печаль, но художник умел пересилить кручину и, чтобы не внушать ближним греховное унынье, воспевал человека — подобие Божие, природу — Творение Божие, воспевал и красу рукотворную, воплощённую в древе и камне.